

Ю. Г. Антонов, С. В. Шеянова

Рецепция традиционной обрядовой культуры в литературном дискурсе Мордовии

Аннотация. В настоящее время среди концептуальных аналитических проблем мордовского литературоведения актуальным осознается вопрос о формах и степени соотнесенности фольклорной традиции и литературной системы. Мифопоэтический метод позволяет не только оценить эстетические характеристики художественного целого, но и выявить векторы осмысления писателем психолого-мифологических представлений народа, этнографических реалий, специфику синтеза аутентичной культурной среды и индивидуально-авторской концептуальности. Традиционно-обрядовая культура – сфера проявления духовно-нравственных, национально-философских, космогонических представлений народа. Ее творческая рецепция направлена на реалистическое воссоздание историко-политического, национально-культурного прошлого и может оцениваться как своеобразный факт этнического ренессанса. В данной статье анализируются пути, приемы, своеобразие освоения, авторской интерпретации и реконструкции традиционных форм мордовского (мокшанского и эрзянского) фольклора в литературных опытах национальных писателей разных историко-культурных эпох, оценивается продуктивная роль элементов традиционной обрядовой культуры на разных уровнях художественного целого – в структурировании сюжетного континуума, персонажной сферы, в воссоздании национального колорита, раскрытии основ этнической ментальности, формировании концептуальной сферы произведения и авторской эстетики в целом. Трансформация аутентичных форм и элементов обрядового фольклора и их рецепция в авторском слове создают культурологический и этнографический контекст исследования.

Ключевые слова: рецепция, этнообрядность, традиционная культура, реминисценция, этнокультурное пространство, авторская концептуальность.

Yu. G. Antonov, S. V. Sheyanova

Reception of traditional ceremonial culture in the literary discourse of Mordovia

Abstract. Currently among the conceptual analytical problems of Mordovian literary studies the question about forms and degree of correlation of folk tradition and literary system is realized as actual. Mythopoetic method allows not only to assess the aesthetic characteristics of the artistic whole, but also to identify the vectors of the writer's thinking of psychological and mythological ideas of the people, ethnographic realities, specifics of synthesis of authentic cultural environment and individual author's conceptualization. Traditionally ceremonial culture is the sphere of manifestations of spiritual and moral, national and philosophical, cosmological ideas of the people. Its creative reception focuses on a realistic reconstruction of historical and political, national and cultural past and can be evaluated as a unique fact of ethnic Renaissance. This article analyses the ways, the techniques, the originality of learning, the author's interpretation and reconstruction of traditional forms of the Mordovian (Moksha and Erzya) folklore in the literary experience of the national writers of different historical and cultural epochs; the article evaluates the productive role of the elements of traditional ceremonial culture at different levels of the artistic whole – in the structuring of the plot continuum, characters' sphere, in reconstruction of national flavor, the disclosure of the foundations of ethnic mentality, formation of the conceptual sphere of the work and the author's aesthetics as a whole. The transformation of authentic forms and elements of ceremonial folklore and their reception in the author's words create culturological and ethnographic context of the research.

Key words: reception, ethno ceremonialism, traditional culture, reminiscence, ethnocultural space, author's conceptuality.

В связи с геополитическими и культурными процессами, происходящими в XXI веке в обществе, исследование национального своеобразия культуры народа приобретает важное научно-теоретическое и практическое значение. Как известно, одной из форм художественного мышления, этнического самосознания, этномировосприятия была и остается мифофольклорная традиция, отражающая комплекс этических норм, нравственных ценностей, эстетических приоритетов нации. Национальное мироощущение, нравственно-этические регламенты, эстетические концепты, заложенные мифопоэтикой и традиционной обрядовой культурой, являются, в свою очередь, основой концепции мира и человека в любой национальной литературе. Обращение литераторов к индивидуальной интерпретации традиционно-обрядовой сферы жизнедеятельности народа правомерно оценивать как реконструкцию стираемой и исчезающей национальной самобытности, как факт этнического ренессанса.

Мордовская литература на всем протяжении своего развития испытывала благотворное влияние мифофольклорной традиции, подпитывалась этнокультурными поэтическими элементами, образами, идеями, мотивами. По мнению отечественных ученых, «степень и характер корреляции фольклора и литературы в различные периоды историко-литературного развития не одинаковы и определяются многими объективными причинами» [1, 9]. Наблюдение коррелятивных и функциональных литературно-фольклорных связей подвело мордовских исследователей к обобщению о том, что их взаимодействие весьма сложное явление, имеющее синхронное и диахронное развитие: «...освоение мордовской литературой опыта народно-поэтической культуры пережило несколько этапов и принимало различные формы: от прямого заимствования до творческого осмысления богатств фольклорного материала. Освоение народно-поэтической традиции не было прямым поступательным движением, а явилось сложным и противоречивым процессом...» [2, 348].

В период первых эволюционных шагов мордовская литературная система особенно остро испытывала влияние фольклора, что отразилось во заимствовании и трансформации в соответствии с авторской эстетикой традиционных обобщений, образов, символов, арсенала средств выразительности, интонационно-синтаксических особенностей речи. Доказательством могут служить произведения З. Дорофеева, М. Безбородова, П. Кириллова, А. Куторкина, Е. Пятаева, А. Рогожина, Д. Морского, А. Моро и др. Правомерно утверждать, что вышеназванные писатели осваивали народно-эстетическую традицию индивидуально-оригинально, что обусловлено рядом объективных и субъективных условий – особенностями авторского мировидения и мировосприятия, объектом художественного воспроизведения, творческим замыслом. Особое место среди них занимает Д. Морской (Мальшев), «поэт есенинской школы», близко знавший и друживший с В. Брюсовым, С. Есениным.

В поэме Д. Морского «Ульяна Сосновская» [3] воспроизводятся яркие эпизоды и элементы календарно-обрядовой и семейно-обрядовой культуры мордовского народа. Реминисценции традиционных этапов свадьбы становятся в ней сюжетообразующим компонентом. Художественный материал поэмы, по утверждению литературоведов, «сопоставим с исследованиями ученых-этнологов» [4, 334]. В произведении реконструируется мордовский свадебный обряд, аутентичные элементы которого предстают своеобразным макетом, обрастающим индивидуально-авторским вымыслом. Правомерно утверждать, что в традиционных семейных обрядах, в частности основных элементах свадьбы (сватовство, приготовления к свадьбе, свадьба в доме невесты, свадьба в доме жениха) отражаются различные этапы истории мордовского народа, социально-политические условия, семейно-общественные взаимоотношения. Воспроизведение причитаний невесты Ульяны позволяет автору репрезентовать объективную реалистичную картину бесправного положения мордовской жен-

щины, усугубленного домашним яремом, полной зависимостью от родительской воли:

– Ничего не мило мне, подруженьки.

Не хочу нарядов, мои душеньки.

Во чужих людях тяжелы они,

Тяжелы, как цепи ржавые.

Подруженьки мои, ненаглядные,

Умейте, подруги, голубушки,

Батюшке с матушкой угождать.

Не сумела я, подруженьки,

Батюшке с матушкой угодить –

Гонят из дому замуж девицу... [3, 39].

Причитание героини следует интерпретировать не только как рефлексивную интенцию, но и своеобразный жест протеста против насилия, традиционного семейного уклада, патриархальных устоев жизнеположения, утверждение личностного права на самовыражение. Психологический мотив протеста сближает авторское причитание с фольклорным аналогом. Поэт констатирует антигуманный характер патриархальных устоев, цепкость вековых предрассудков, однако замечает зарождение прогрессивного начала, нового образа мысли и жизни (желая построить собственный дом и вести хозяйство, Ульяна и ее муж уходят из родительского дома).

Д. Морскому свойственна оригинальная творческая интерпретация фольклорной традиции. Поэтические реминисценции мордовского свадебного обряда наполняются индивидуально-авторским звучанием. Используя народно-поэтическую образность, поэт оригинально переосмысливает эпическую традицию, традиционные метафорические представления трансформируются в соответствии с авторской эстетикой (к примеру, для мордовской народной традиции нехарактерно сравнение девушки-невесты с туманом), однако они настолько гармоничны в общем русле поэмы, что достаточно сложно восстановить их аутентичный аналог.

Автор обращается к поэтической манифестации обрядов, связанных с похоронным церемониалом. Д. Морской – единственный в мордовской литературе поэт, изображающий абсолютно изжившее себя, однако имевшее распространение среди эрзян и мокшан, временное надземное захоронение. «Если человек умирал зимой или ранней весной, когда земля была еще мерзлая,

то покойника в гробу из двух выдолбленных колод подвешивали на дереве, а позже, когда оттаивала земля, его хоронили в могиле» [5, 121]. Именно таким образом хоронят убитого в традиционных кулачных боях Якова:

Еще раз оплакали и миром
Отнесли на Урьке-пря его.

Привязали гроб к вершине дуба,

Чтобы ветер до весны качал [3, 55].

В художественном русле поэмы весьма гармонирует монологическая структура плача свекрови Ульяны по погибшему сыну:

Не губан сразил во честном бою,

Не ногаец звонкою стрелой

В сердце ранил воина Честнова, –

А сосед лихой, Васька-Буй проклятый,

Загубил сыночка колдовской рукою.

Встаньте, предки, из могил глубоких,

Призовите громы на убийцу,

Порадите молнией злодея

И сожженный труп его по ветру

Вы рассейте пеплом окаянным [3, 54].

Поэтическая традиция процитированного плача восходит к мифологическому мышлению мордвы. Обращение женщины к усопшим предкам, стихийным силам природы позволяет реанимировать антропоморфические, анимистические, космогонические воззрения древних. В сюжетной системе поэмы плач, сочетающий в себе элементы проклятья, не выполняет информационно-аналитической функции, становится «внесюжетным элементом», необходимым для раскрытия психологического состояния потерявшей сына матери, передачи острого чувства боли, тоски, утраты.

Д. Морской творчески переосмыслил элементы и эпизоды мордовского свадебного и похоронного обрядов, пропустив их сквозь призму личностного восприятия и индивидуально-эстетического идеала, насытил стиль поэмы фольклорными средствами поэтики, характерным для устной народной поэзии внутренним ритмом, усилил эмоциональное звучание традиционных семейно-бытовых взаимоотношений, утвердил традиции гуманизма и народности в мордовской литературе.

В культурологическом понимании фольклорная традиция есть прочная первооснова не только ранних произведений мор-

довской литературы, но и современных образцов. Литературный процесс рубежа XX–XXI вв. знаменателен особым интересом к народно-поэтическому наследию, в частности к обрядовой культуре, что во многом определяется ростом национального самосознания, стремлением реанимировать историческую память нации, его нравственные истоки. Вместе с тем правомерно говорить о качественно новом уровне творческой рецепции первичного фольклорного кода, проявившемся в отказе от копирования жанров, сюжетов, мотивов, образов, что не приводило к образованию нового системного синтеза, в преодолении характерных фольклору самодвижения сюжета, героцентризма, стереотипных признаков устно-поэтического стиля и т. д., функциональном использовании богатств духовной культуры (изменение образно-эмоциональной самостоятельности фольклорных элементов и их подчинение литературному контексту), нравственно-философском, интеллектуальном осмыслении аутентичного материала. Данные черты отчетливы в произведениях К. Абрамова, А. Доронина, Е. Четвергова, В. Мишаниной, А. Пудина и др.

В романе-сказании К. Абрамова «Пургаз» [6] реанимируются картины из истории эрзянского народа конца XII – начала XIII вв. Специфика нарратива произведения заключается в том, что в данном художественном объекте наблюдается не освоение эстетики фольклора, а рецепция конкретно-исторической действительности посредством фольклорных источников – сказаний, преданий, исторических песен. В романе реалистично репрезентована колоритная историческая эпоха с характерными для нее общественно-культурными событиями и обстоятельствами, спецификой национального бытия. Одним из составляющих традиционной обрядности древней мордвы были родовые моления, возникшие в связи с практическими нуждами, а с течением времени превратившиеся в систему религиозных верований и ставшие определенной ступенью в духовном развитии народа. К. Абрамов подробно описывает сцену общественного моления (озкса), необходимость которой обусловлена не столько требованиями и принципами сюжетно-композиционной архитек-

тоники художественного целого, сколько потребностью генетической идентификации самости эрзянского народа – генетического кода, мировосприятия, культуры.

Необъемная этноэкспозиция достаточно содержательна, выразительна и эмоциональна. «Старейшины молян зажгли толстые восковые свечи, поставили их на полотно и повернулись к восходу солнца. За ними встали мужчины, за мужчинами – женщины и девушки. Все скрестили руки и прижали ладони к подмышкам. Поляна затихла. ...Моление началось. Тихим голосом старший из молян поблагодарил Ине Шкая за добрую весну и горячее солнце, которое согрело землю и людей, и стал просить у него удачи на урожай и скот, на зверя и рыбу, на молодых жен и народившихся детей, на теплый дождь и первые всходы. После каждой просьбы старейшины молян кланялись Великому богу, и, глядя на них, кланялись все остальные. Старейшина долго упрашивал Ине Шкая, чтобы он защитил их землю и людей от страшных набегов врагов с юга и севера, с запада и востока. Моление продолжалось долго, пока не истощились все большие и малые просьбы к богу. И чтобы Великий бог был милостив к ним, старейшины преподнесли ему жертву. После этого они стали отрезать от жертвенного мяса куски и раздавать молящимся: сначала мужчинам, потом – женщинам и девушкам» [6, 51]. Фольклорно-этнографические реалии в романе следует рассматривать как своеобразные «этно-эстетические микроединицы», в которых представлена поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре» [1, 114] эрзянского народа. Родовое моление как сложная система ритуального характера, состоящая из нескольких этапов и включающая многообразие обрядов и действий (подготовка к молению, жертвоприношение, поедание жертвенного мяса и др.) отчетливо отражает мифологическую модель бытия, традиционную систему представлений эрзян о строении мира. Творческая рецепция этномифологической модели мира и человека усиливает онтологическое звучание актуализируемых К. Абрамовым «извечных» тем и проблем, способствует самопознанию эрзянским народом своего поистине неис-

черпаемого этномифологического феномена и генетического кода.

Конструктивная связь между литературной системой и традиционно-обрядовой народной культурой очевидна в романе А. Доронина «Кузьма Алексеев» [7], в котором колорит эпохи и национальной среды воспроизводится, прежде всего, средствами этнографической информации. Вместе с тем значение этнографического материала не ограничивается его орнаментальностью, а определяется системной функциональностью на всех уровнях художественного целого. Естественно, фольклорные единицы вводятся в сферу произведения в несколько преобразованном, трансформированном виде, вписываясь в индивидуально-авторскую концепцию истории, однако писатель стремится сохранить их народно-художественную первозданность.

А. Доронин, так же как К. Абрамов, художественно реанимирует элементы календарной обрядности эрзян, в частности циклы летних обрядов в честь дохристианских божеств – покровительниц различных природных стихий: Ведявы (покровительницы воды), Масторавы (покровительницы земли), Вирявы (покровительницы леса), Норовавы (покровительницы поля), что дает представление о языческих и религиозных воззрениях древней мордвы, реанимирует ее мифологические коммуникации.

Эпический замысел монументального и исторически правдивого воссоздания прошлого обусловил обращение автора к сценам ежегодного общественного моления, проводимого, чаще всего, на священной поляне (Репеште): «...Куда ни глянешь – древние, могучие дубы-великаны и в человеческий рост трава, в траве россыпь цветов. Верхушки дубов, казалось, достают до неба. ... На середине поляны из-под огромного, с мельничным жернов камня, булькал родник. Над родником, который заботливо огорожен слегами, зеленым навесом встали четыре дуба, древних, кряжистых. К самому могучему дереву, которому эрзяне дали имя Озкс-Тумо, были прибиты иконы со святыми ликами. Давным-давно в стволе Озкс-Тумо кто-то сделал топором отметину – углубление. Теперь эрзяне в каждый свой приход сюда, на Репештю, в разрос-

шемся дупле свечу зажигают...» [7, 93]. Символический образ священной поляны организует сквозную тему исторической связи между поколениями, определяет движение авторской концепции и раскрывает нравственно-философский смысл связи между прошлым, настоящим и будущим.

Изображая деревья культовыми центрами на местах молений, А. Доронин придерживается традиции реалистичной передачи одной из составляющих традиционной обрядности народа. Об этом же свидетельствуют и сцены молений у священного родника: общественные озксы мордвы обычно проводила у какого-то водного источника (ручья, родника). «Сельские жители собрались у заветного родника, пригоршнями черпали студеную целительную воду, трепетно подносили к своим губам и пили, пили, благодарно вознося свои молитвы Мельседей Верепазу. О чем шептали они и просили у Озкс-Лисьмапря – знали лишь сами. Слышно было в лесной тиши говорливое журчание родника да веселый щебет божьих посланцев – вольнолюбивых птиц» [7, 93]. Архетипические образы божеств, воды, родника семантически связаны с фольклорно-мифологическими представлениями предков эрзян, становятся средством экспликации мифологического устройства национального мира.

Характер использования этнографического материала в анализируемом романе, безусловно, обусловлен сюжетно-композиционным единством произведения, в целостной системе которого он приобретает функциональное значение и выполняет конструктивную функцию. Особую роль бытовой картины, фольклорно-этнографической детали в развитии сюжета, экспликации авторской идеи отмечает А. А. Горелов. По его мнению, они обладают «особенной текстовой, художественной конкретностью. Даже при всей своей возможной «служебности», при явственной второстепенности – на правах «мозаичного» элемента – они входят в универсально соподчиненное образное целое, способствуют раскрытию целостности произведения как системы, моделирующей взаимодействия человека и мира, <...> выступают «документами» жизненного пространства» [8, 108–109, 110].

Этнографическая оснащенность романа А. Доронина «Кузьма Алексеев» не только

усиливает национальный орнамент, но и инициирует осмысление и познание этнографического, этнологического пластов, а также духовно-нравственных приоритетов и философско-эстетических принципов жизни эрзянского народа.

Этнообрядовые реминисценции гармонично проникают в ткань драматических произведений, о чем свидетельствует пьеса А. Пудина «Каназор» [9], раскрывающая события, обстоятельства первой половины XIII века, в частности создание первых политических объединений под властью эрзянского князя (инязора) Пургаса (Пургаза) («Пургасова волость» и «Русь Пургасова») и предводителя мокшанских племен Пуреша (Пурейша). А. Пудин не только репрезентует образы исторических личностей, но и отражает специфику, драматизм исторической эпохи. Сложная проблема объединения мордовских земель, поднятая автором в пьесе, получает двоякое решение. Пургас ратует за объединение эрзянских племен с мокшанскими. При этом он преследует цель – объединившись, соответственно став сильнее, вернуть земли своего народа, захваченные русскими князьями. Пуреша одолевают сомнения: с одной стороны, он понимает преимущества объединения племен, однако обладая тонким чувством предвидеть дальнейшее развитие исторического процесса, не идет на такой шаг. Он понимает, что русские князья не позволят эрзянам и мокшанам превратиться в сильного соперника. «Они нас разорят! Всех! Не будет ни твоего, ни моего племени. А по одиночке мы сохраним себя», – излагает он свою позицию Пургасу [9, 21].

Реконструкция объективной картины исторической эпохи подводит автора к необходимости включения в драматическое повествование элементов обрядовых традиций древней мордвы. Так, Мазярга лечит Пуреша не столько снадобьями, сколько заговорами, являющимися элементами древнего магического ритуала. Исследователи отмечают, что «заговоры постоянно фигурировали в лечеб-

ной магии мордвы. Они могли выступать как самостоятельное исцеляющее средство, а также в качестве дополнения какого-то магического действия» [10, 56]. Во второй картине первого акта драматург воссоздает часть языческого праздника, дающего представление о религиозно-мифологических воззрениях и традиционно-обрядовой сфере жизни народа. Как указывалось ранее, древняя мордва перед весенним севом устраивала общественный молебен и просила у Верховного божества Шкай-паза хорошего урожая и приносила ему в жертву домашний скот. В силу жанрово-стилевой специфики драмы реминисценции традиционной сферы бытия народа не занимают в пьесе объемного сюжетного континуума, как в эпическом повествовании, и проявляются в коротких сценах, ремарках, однако неправомерно отвергать их определенную семантическую и конструктивную роль. Авторские интерпретации этнокультурного контекста представляются полноценными фактами традиционно-обрядовой культуры эрзян и мокшан, приближают реципиенту исторический хронотоп. Продуктивный опыт корреляции аутентичной обрядовой традиции и авторской концептуальности позволяет воссоздать динамику духовной коммуникации индивидуума с социумом, а также раскрыть нравственно-психологические границы и этические основы отдельных характеров.

Богатство традиционной обрядовой сферы мордовского народа, творчески осмысленное и оригинально отраженное национальными писателями, позволяет говорить о своеобразии этнического менталитета финно-угров – эрзян и мокшан. Индивидуально-авторская интерпретация составляющих обрядовой культуры открывает читателю как уникальный духовный мир мордовского народа, так и присущие ему общечеловеческие нравственно-этические ценности, а также свидетельствует о семантическом обновлении современного национального литературного дискурса.

Литература

1. Далгат, У. Б. Литература и фольклор [Текст] / У. Б. Далгат. – М. : Наука, 1981. – 303 с.
2. Борисов, А. Г. Художественный опыт народа и мордовская литература [Текст] / А. Г. Борисов // В братской семье. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. – С. 347–349.
3. Морской, Д. Ульяна Сосновская [Текст] / Д. Морской. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. – 73 с.

4. Жиндеева, Е. А. Пределы героини в национальной традиции (на примере произведения Д. Морского «Ульяна Сосновская») [Текст] / Е. А. Жиндеева // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальности. – Вып. 2. – Саранск, 2002. – С. 330–335.
5. Корнишина, Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы [Текст] / Г. А. Корнишина. – Саранск : МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2000. – 150 с.
6. Абрамов, К. Пургаз : роман-сказание [Текст] / К. Абрамов. – М. : Современник, 1989. – 444 с.
7. Доронин, А. Кузьма Алексеев : роман [Текст] / А. Доронин ; [пер. с морд.-эрз.] : Е. Голубчик. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2008. – 368 с.
8. Горелов, А. А. Н. С. Лесков и народная культура [Текст] / А. А. Горелов. – Л. : Наука, 1988. – 296 с.
9. Пудин, А. Каназор [Текст] / А. Пудин // Пьесы : в 3-х кн. – Кн. 2. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2007. – С. 12–69.
10. Корнишина, Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы [Текст] / Г. А. Корнишина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 116 с.

References

1. Dalgat W. B. *Literatura i fol'klor* [Literature and folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 303 p.
2. Borisov A. G. *Hudozhestvennyj opyt naroda i mordovskaja literatura* [The artistic experience of the people and Mordovian literature]. *V bratskoj sem'e* [In the brother family]. Saransk: 1981. pp. 347–349.
3. Morskoy D. *Ul'jana Sosnovskaja* [Ulyana Sosnovskaya]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987. 73 p.
4. Gzindeeva E. A. *Predely geroini v nacional'noj tradicii (na primere proizvedenija D. Morskogo «Ul'jana Sosnovskaja»)* [Character limits in the national tradition (on the example of the work of D. Morskoy «Uliana Sosnovskaya»)]. *Social'nye i gumanitarnye issledovanija: tradicii i real'nosti* [Social and human research: tradition and reality], 2002, no. 2, pp. 330–335.
5. Kornishina G. A. *Tradicionnye obychai i obrjady mordvy* [Traditional customs and rituals of the Mordva]. Saransk. 2000. 150 p.
6. Abramov K. *Purgaz: roman-skazanie* [Purgaz: novel-legend]. Moscow: Sovremennik Publ., 1989. 444 p.
7. Doronin A. *Kuz'ma Alekseev: roman* [Kuzma Alekseyev: novel]. (Russ. ed.: E. Golybchik). Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2008. 368 p.
8. Gorelov A. A. *N. S. Leskov i narodnaja kul'tura* [N. S. Leskov and folk culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 296 p.
9. Pudina A. *Kanazor. P'esy: V 3 knigah. Kniga 2.* [Kanazor. Plays: in 3 vol. Book. 2]. Saransk: 2007. pp. 12–69.
10. Kornishina G. A. *Tradicionno-obrjadovaja kul'tura mordvy* [Traditional and ritual culture of the Mordva]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta Publ., 2007. 116 p.